

Редьярд Киплинг

Денежные средства богов

Редьярд Джозеф Киплинг

Денежные средства богов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6611355

Аннотация

«Ужин в чубаре Дхуини Бхагата закончился, и старые жрецы курили или перебирали чётки. Вышел маленький голый ребёнок с широко открытым ртом, с пучком ногтей в одной руке и связкой сушёного табака в другой. Он попробовал встать на колени и поклониться Гобинду, но так как был очень толст, то упал вперёд на свою бритую головку и покатился в сторону, барахтаясь и задыхаясь, причём ногти отлетели в одну сторону, а табак в другую. Гобинд рассмеялся, поставил мальчика на ноги и, приняв табак, благословил цветы...»

Содержание

Редьярд Жозеф Киплинг

Денежные средства богов

Ужин в чубаре Дхуини Бхагата¹ закончился, и старые жрецы курили или перебирали чётки. Вышел маленький голый ребёнок с широко открытым ртом, с пучком ногтей в одной руке и связкой сушёного табака в другой. Он попробовал встать на колени и поклониться Гобинду, но так как был очень толст, то упал вперёд на свою бритую головку и покатился в сторону, барахтаясь и задыхаясь, причём ногти отлетели в одну сторону, а табак в другую. Гобинд рассмеялся, поставил мальчика на ноги и, приняв табак, благословил цветы.

– От моего отца, – сказал ребёнок. – У него лихорадка, и он не может прийти. Ты помолишься о нем, отец?

– Конечно, крошка; но на земле туман, а в воздухе ночной холод и осенью не хорошо ходить голым.

– У меня нет одежды, – сказал ребёнок, – сегодня утром я все время носил кизяк на базар. Было очень жарко, и я очень устал.

Он слегка вздрогнул, потому что было прохладно.

Гобинд вытянул руку из-под своего громадного, разноцветного старого одеяла и устроил привлекательное гнёздышко рядом с собой. Ребёнок юркнул под одеяло. Гобинд

¹ Чубара Дхуини Бхагата – монастырь в северной Индии.

наполнил свою кожаную, отделанную медью трубку новым табаком. Когда я пришёл в чубару, обритая головка с пучком волос на маковке и похожими на бисеринки чёрными глазами выглядывала из-под складок одеяла, как белка выглядывает из своего гнёзда. Гобинд улыбался, когда ребёнок теревил его бороду.

Мне хотелось сказать что-нибудь ласковое, но я вовремя вспомнил, что в случае, если ребёнок захворает, скажут, что у меня дурной глаз, а обладать этим свойством ужасно.

– Лежи смирно, непоседа, – сказал я, когда ребёнок хотел подняться и убежать. – Где твоя аспидная доска, и почему учитель выпустил на улицу такого разбойника, когда там нет полиции, чтобы защитить нас, бедных? Где ты пробуешь сломать себе шею, пуская змея с крыш?

– Нет, сахиб, нет, – сказал ребёнок, пряча лицо в бороду Гобинда и беспокойно вертясь. – Сегодня в школе праздник, и я не всегда пускаю змея. Я играю, как и все другие, в керликет.

Крикет – национальная игра на открытом воздухе пенджабских ребят: от голых школьников, использующих старую жестянку из-под керосина вместо ворот, до студентов университета, стремящихся стать чемпионами.

– Ты-то играешь в керликет! А сам ты вдвое меньше ворот, – сказал я.

Мальчик решительно кивнул головой.

– Да, играю. Я знаю все, – прибавил он, коверкая выраже-

ния, употребляемые при игре в крикет.

– Но, несмотря на это, ты не должен забывать молиться богам как следует, – сказал Гобинд, не особенно одобрявший крикет и западные нововведения.

– Я не забываю, – сказал ребёнок тихим голосом.

– А также относиться с уважением к твоему учителю и, – голос Гобинда стал мягче, – не дёргать святых за бороду, маленький егоза... Э, э, э?

Лицо ребёнка совершенно спряталось в большой седой бороде; он захныкал. Гобинд утешил его – как утешают детей на всем свете – обещанием рассказать сказку.

– Я не хотел пугать тебя, глупенький. Взгляни. Разве я сержусь? Аре, аре, аре! Не заплакать ли и мне? Тогда из наших слез образуется большой пруд и утопит нас обоих, и тогда твой отец никогда не поправится, потому что ему не будет хватать тебя и некому будет теревить его за бороду. Успокойся, успокойся; я расскажу тебе о богах. Ты слышал много рассказов?

– Очень много, отец.

– Ну, так вот новый, которого ты не слышал. Давным-давно, когда боги ходили между людьми – как и теперь, только у нас нет достаточно веры, чтобы видеть это, – Шива, величайший из богов, и Парбати, его жена, гуляли в саду одного храма.

– Которого храма? Того, что в квартале Нандгаон? – сказал ребёнок.

– Нет, очень далеко. Может быть, в Тримбаке или Хурдваре, куда ты должен отправиться в паломничество, когда вырастешь. В саду под ююбами сидел нищий, который поклонялся Шиве в течение сорока лет; жил он приношениями благочестивых людей и день и ночь был погружён в святые размышления.

– О, отец, это был ты? – сказал ребёнок, смотря на него широко раскрытыми глазами.

– Нет, я сказал, что это было давно, и к тому же нищий был женат...

– Посадили его на лошадь с цветами на голове и запретили ему спать целую ночь? Так сделали со мной, когда праздновали мою свадьбу, – сказал ребёнок, которого женили несколько месяцев назад.

– А что ты делал?

– Я плакал и меня бранили; тогда я ударил её, и мы заплакали вместе.

– Нищий этого не делал, – сказал Гобинд, – потому что он был святой человек и очень бедный. Парбати увидела его сидящего голым у лестницы храма, по которой все подымались и спускались, и сказала Шиве: «Что подумают люди о богах, когда боги так презрительно относятся к своим поклонникам? Этот человек молился нам сорок лет, а перед ним только несколько зёрен риса и сломанных каури.² От этого очерствеют сердца людей». Шива сказал: «Будет обращено

² Раковины, имеющие значение денег.

внимание, – и он крикнул в храме, который был храмом его сына Ганеша, с головой слона: – Сын, тут у храма сидит нищий, который очень беден. Что ты сделаешь для него?» Тогда великий бог с большой слоновьей головой проснулся во тьме и ответил: «Через три дня, если тебе угодно, у него будет лак рупий». Тогда Шива и Парбати ушли. Но среди золотоцветов в саду скрывался один ростовщик, – ребёнок взглянул на кучу смятых цветов в руках, – да, среди жёлтых цветов, – и он услышал разговор богов. Он был жадный человек с чёрным сердцем и захотел взять себе лак рупий. Тогда он пошёл к нищему и сказал ему: «Сколько дают тебе каждый день благочестивые люди, брат мой?» Нищий ответил: «Не могу сказать. Иногда немного рису, немного овощей и несколько раковин; случалось давали и маринованные плоды мангового дерева, и вяленую рыбу».

– Это вкусно, – сказал, облизываясь, ребёнок.

– Тогда ростовщик сказал: «Так как я долго следил за тобой и полюбил тебя и твоё терпение, то я дам тебе пять рупий за все, что ты получишь в три следующих дня. Но тут надо подписать одно условие». Но нищий сказал: «Ты безумен. Я не получу пяти рупий и за два месяца». Вечером он рассказал все своей жене. Так как она была женщина, то заметила: «Разве бывает, чтобы ростовщик вступил в невыгодную для себя сделку? Волк бежит по ниве ради толстого, жирного оленя. Наша судьба в руках божиих. Не давай ему обещания даже на три дня».

Нищий вернулся и сказал ростовщику, что не согласен. Злой человек просидел с ним целый день, предлагая все большую и большую цену за трехдневную выручку. Сначала десять, пятьдесят, сто рупий; потом – так как он не знал, когда боги ниспошлют свои дары – он стал предлагать рупии тысячами, пока не дошёл до пол-лака. Тут жена нищего изменила свой совет; нищий подписал условие, и деньги были уплачены серебром; большие белые волю привезли их в повозке. Но кроме этих денег нищий ничего не получил от богов, и на сердце у ростовщика была тревога. Поэтому в полдень третьего дня ростовщик пошёл в храм, чтобы подслушать совет богов, и узнать, каким образом нищий получит их дар. Когда он молился, в камнях пола открылась трещина и захватила его за пятку. Он услышал богов, ходивших во мраке колонн. Шива крикнул своему сыну Ганешу: «Сын, что сделал ты относительно лака рупий для нищего?» Ганеша, должно быть, проснулся, потому что ростовщик услышал глухой шум развёртывавшегося хобота, и ответил: «Отец, половина денег уплачена, а должника, который должен уплатить другую половину, я крепко держу за пятку».

Ребёнок умирал со смеху.

– И ростовщик заплатил нищему? – спросил он.

– Конечно: тот, кого боги держат за пятку, должен уплатить все целиком. Деньги были уплачены серебром вечером же и привезены в больших повозках. Так Ганеша сделал своё

дело.

– Нату! Огэ, Нату!

У калитки во двор какая-то женщина кричала в темноте. Ребёнок беспокойно задвигался.

– Это моя мать, – сказал он.

– Иди, крошка, – сказал Гобинд, – впрочем, подожди минутку.

Он щедрой рукой оторвал кусок от своего заштопанного одеяла и накинул его на плечи Нату. Ребёнок убежал.